

Elena Nevzorova-Kmech
 Uniwersytet Łódzki, Instytut Rusycystyki

Фразеологизмы в словарях польского преступного жаргона, изданных до 30-х годов XX века

Тема польского преступного арг¹ в настоящее время не является одной из центральных в польском и российском языкознании, однако нельзя говорить об угасшем к ней интересе. По-прежнему остаются актуальными вопросы, связанные с двуязычным лексикографированием жаргона, разработкой электронных баз данных по жаргону, изучением изменений, происходящих в арго.

Пристальное внимание обращается на этимологизирование жаргонных единиц. Мы в настоящей работе хотели бы обратиться к одному из аспектов данной проблемы, а именно рассмотреть фразеологические единицы, которые включены в словари и словники польского преступного арг², изданными в XIX – начале XX века,

¹ В настоящей статье термины арго и жаргон трактуются как синонимичные вслед за позицией, изложенной в «Западноевропейские элементы русского воровского арг» Б.А. Лариным [1931: 114]: «... на протяжении своей изученной истории европейские арго много менялись, что нельзя строить ни определения, ни общей теории арго на основе изучения лишь современных жаргонов (читатель уже заметил, что я употребляю термины «арго» и «жаргон» как синонимы...»).

² Обращаясь к польскому материалу, считаем необходимым упомянуть, что такие термины, как: *żargon*, *argot*, *szwargot*, *grypsera*, *gwara*, *język*, *mowa*, которые встречаются в лингвистических работах польских ученых, затрагивающих интересующую нас тему, также не находят единой трактовки [см. классификации социально-территориальных вариантов языка, предложенные К. Дейной, С. Урбаньчиком, А. Фурдалем, С. Грабясом, С. Каней и др.] А, например, Г. Улашин, который в начале XX в. проделал большой труд над собиранием и изучением преступного жаргона, писал, что термины *żargon* і *szwargot* не являются научными терминами, поэтому он склоняется к терминам «*gwara*» и «*język*». Лингвист также указывает, что в обиходе часто принято называть «*język przestępców ... językiem złodziejskim, względnie gwarą złodziejską*». Далее говорит, что «*to nazwa niewłaściwa*» и переходит к критике названий словарей А.Курки, В. Людвиковского и Г. Вальчака [Ułaszyn 1951: 26]. В настоящее время *szwargot* полностью исчез из научного обихода, *żargon* имеет

и попытаться их объяснить. До сих пор, по собранным нами данным, подобные попытки изучения этой области языкознания не предпринимались. Решительно, однако, нельзя заявлять о том, что историки языка не обращали внимания на фразеологию польского преступного аргю указанного нами периода, но если и есть замечания по этому вопросу, то они носят спорадический характер.

Выбор нами период главным образом XIX в. – начало (до 30-х гг.) XX века обусловлен тем, что именно тогда начала складываться традиция собирания и изучения польских тайных и условных языков, появляются их лексикографические описания. Как отмечает К. Эстрайхер во вступлении к своему труду «*Szwargot więzienny*»: «*Jesteśmy bardzo biedni w badaniu szwargotu. Materiał dotąd prawie żaden*»³ [Estreicher 1903: 24]. Лингвист делает такое заявление, демонстрируя опыт описания польского аргю в сравнении с другими западно-европейскими аргю. Ученый (К. Эстрайхер) предпринимает попытку системного лексикографического описания тайноречия преступников и выявления первых письменных фиксаций польского аргю. До настоящего времени установлено многое, не только благодаря К. Эстрайхеру, но также исследованиям, проведенным в XX и XXI веках. Итак, в работах указывается, что первые упоминания восходят к XVI в., а точнее к 1580 году, когда в книге преступных дел города Казимежа, что под Краковом, были отмечены слова и выражения, которые относятся к воровскому аргю, тогда определяемому словосочетанием «*wałtarska mowa*» [Ułaszyn 1951: 64; Walczak 1993], или, как говорят Быстронь, а вслед за ним Геремек, к 1574 году, к которому восходят пятнадцать слов (определения отдельных монет, денег в целом, серебряных ложек, оружия, замков, палача, вора) [Geremek 1980].

К той же эпохе – XVI в. – относятся слова и писателя, а также впрочем и человека, который долгое время в Люблине по роду обязанностей судил преступников [см. «*Worek Judaszowy*» (1600)], Себастьяна Фабяна Клёновича (1545–1602), который в своем произведении «*Flis*» («Лесогон», в иной версии перевода «Лесосплав» (1595)), называемый В. Будзисhevской, вслед за писателем, «шестнастовечным трактатом о специальных языках» [Budziszewska 1957: 8], писал: «*Każde rzemiosło ma swe obyczaje i swe przezwiska*» и «*Nawet i hultaje swój język mają*». [цит. по Budziszewska 1957: 8].

Г. Улашин, С. Пигошь, ссылаясь на исследования А. Брюкнера, указывают на то, что в произведении Я. Юрковского «*Tragedia o polskim Scylurusie i trzech synach koronnych ojczyzny polskiej, żołnierzu, rozkośniku i filozofie, których imię Herkules, Parys, Dujogenes*» (1604) встречаются элементы преступного жаргона и жаргона лесосплавщиков. С. Пигошь во вступлении к изданию «Трагедии...» указывает на продемонстрированное автором богатство разговорного языка. Исследователь также

пейоративную окраску и использовался для обозначения речи людей из маргинальных и деклассированных групп, в том числе воров, хулиганов и других преступников (Kania, 1995: 8) и вместо них часто применяется широкий термин *gwaga*, который является доминантным в работах по субстандарту, а также термин *argot* [см. Kania 1995: 14]. *Grysega* – это заимствованное слово из немецкого языка (*Grips* – разг. ум), обозначающее в польском языке тюремный жаргон.

³ Мы очень бедны в изучении аргю. Материал до сих пор почти никакой (здесь и далее перевод наш. Е. Н.-К.).

пишет о том, что произведение изобилует паремиями, описаниями народных обычаев, упоминаниями о приметах, бытующих среди преступников в XVII в. (в частности о волчьем хвосте, который приносит удачу [Pigoń 1949: 10]. К переизданию 1949 г. прикладывается словарик, в котором даются объяснения некоторых из непонятных в настоящее время для большинства носителей языка слов. Из опроса следовало, что к таким из фрагмента беседы пьяницы Магыса и вора Ктося относятся, напр.: *spasna gielda, pastuga, trzesca, blesca, rogiętkę, przykłosnę, biedkę, kierstręga, skornego, głycałżeś, jatrznice, sak, nogieć, kropiha, uchybnał, grzeblisko, spodyn, skwira, Pandolach, Mezurkach, naskrę, gduſce, giel, wrzępoli, przewierzgnę, ściosła*, среди которых к «жаргонно-разговорным» той эпохи приписываются: *bazdandarzowie, brachu, niech się sypie, pastuga siedła, spasna gielda, przykłosnę, głycałżeś, kropihe, uchybnał, zwalmy dziś co z grzędę, ktoś sprysnał giel z sklepiów, wrzępoli, przewierzgnę, ściosła, panic się wali, pójdźmy skokiem*. Не все однако приводятся в указанном выше словарице. Попытка интерпретации была предпринята А. Брюкнером, на которого при толковании некоторых единиц (*bazdanrzowie, rogiętkę, przykłosnąć* и др.) делается ссылка. Объяснения, хотя и с большой долей сомнения в их точности, даны фразеологическим оборотам: *spasna gielda* ‘прибыль, от которой можно поправиться’ [Pigoń 1949: 63] (ср. А. Брюкнер приписывает слову *gielda* значение ‘прибыль’; у Б. Линде (II, 43) находим, что *gielda* – это ‘карчма’; слова разбойника Ктося в ответ Магысу на призыв: *Nalej, rozlej, niech się sypie [niech się leje – комментарий наш]|| Na krasnego [pęknego] pana stypie*), – звучат: «*Naszać toteż spasna gielę|| Gdy pastuga pana siedła*», – из чего первую часть можно понимать, как ‘и мы тоже получим при этом и есть, и пить [нам тоже будет чем поживиться (?)]’); *pastuga kogoś siedła* ‘кого-то смерть забрала’ (Pigoń: *pastuga* (вслед за Брюкнером) ‘смерть’ (65); *siedła* (gwar.) ‘забрала, придавила (по А. Брюкнеру)’; С. Пигонь делает предположение, что, может, следовало бы читать *sjedła* или *zjedła* ‘съела’ (66); *przykłosnę swą biedkę* ‘*przykłosnąć* ‘пригладить, приодеть’ (66) – ‘приоденуть’ [ср. предположительно, *przykłosnąć* связано с: 1. *kłos* ‘колосок’ (Брюкнер комментирует это слово немецким *abmurksen* ‘исхудавший’); *kłosać = klusać* ‘1. бежать рысью, 2. бежать, спешить’ [MSZP 2003: 100]; 3. *kosnąć = kostnąć* ‘становиться как кость, деревенеть, закостенеть’ [MSZP 2003: 106], но тогда значение слова и выражения было бы иное: ‘прогнать беду’. Этому выражению предшествует следующая фраза: «*Mam trzesca blesca rogiętkę|| Przykłosnę w ranek swą biedkę*», в которой *trzesca-blesca rogiętkę* ‘рубашка (одежда) некоего неизвестного покроя [ср. русск. *трепск, блеск* и современное разговорное выражение *шик-блеск*’; *rogiętkę* образованное с помощью замены звуков слово от *rokieta, rokiętkę* ‘рокетто (часть облачения римского папы, а также элемент облачения католического епископа)’] (66, 67). Представляется таким образом, что *przykłosnę* – это замаскированное *przysłone* ‘заслону, прикрою’. В тайных и условных языках такие формы образования слов, как замена одного звука другим, вставки звуков в середину слова, замены звуков слова маскировочными сочетаниями звуков, перестановка звуков, с добавлением звуков и слогов, используются часто [Грачев 1992: 7]. Также включаются с объяснения выражения: *nogieć ci ją dał* ‘а черт ее побрал’ (65); *sprysnąć giel* ‘украсть деньги’ [где *sprysnąć* (gwar.) (67), *giel* (niem.) (63)].

Б. Гэрэмэк называет также старопольскую драму «Perygrynasya dziadowska» (1614), где имеется свидетельство о тайном языке нищих (*mowa wałtarska, mowa libijska*) [Geremek 1980: 18–19]. Язык бродяг в значительной мере пополнил преступное арго [см. напр., Грачев 2005].

Преступному арго было, как кажется, в польской лингвистике посвящено наибольшее внимание (но достаточное ли?), в отличие от иных жаргонов. Общеизвестными являются работы Г. Улашина, а в частности, «Język złodziejski» [Ułaszyn 1951 (что касается года издания этой работы, стоит оговориться, а именно: основная часть материалов – это материал лекций, прочитанных ученым в 1926–1933 годах в Познани)], «Przyczynki leksykalne I. Gwara złodziejska z około roku 1840» (1930, в которых ученый пишет о том, что роман Русецкого «Tajemnice Warszawy» (1844), позволил ему говорить о самом раннем и достаточно полном словаре современного (в отличие от языка XV–XVII в.) языка преступников [Ułaszyn 1951: 11]. Безусловно, лингвист делает оговорку, что в 1778 г. в «Gazecie Warszawskiej» появилось несколько преступных жаргонизмов из этого произведения, но не все, которые там встречаются – Г. Улашин выявил 170 единиц [Ułaszyn 2009: 47]. Впрочем, думается, сам автор романа помог ученому в этом деле, выделяя курсивом жаргонизмы, используемые преступниками, шулерами, и приводя дополнительно в скобках их значение. Однако, Русецкий делает это непоследовательно, кроме того, толкования, которое он дает, не всегда вполне хватает для понимания слова или выражения [Ułaszyn 2009: 48]. Данные элементы были восполнены Г. Улашиным в словаре, приведенном в «Przyczynkach leksykalnych» [Ułaszyn 2009: 51–71] После этого «словаря» было опубликовано несколько различных по содержанию и качеству описания лексикографических работ, среди которых, упомянутый в начале, «Szwargot więzienny» К. Эстрайхера, изданный сначала в качестве небольшого сборника (в 1859 г. и 1867 г. в газетах: «Rozmaitości Lwowskie» и «Gazeta Polska» соответственно), а также незаменимые для жаргонологов «Słownik mowy złodziejskiej» А. Курки (1896, 1899, 1907), «Żargon mowy przestępców. «Błatna muzyka». Ogólny zbiór słów gwary złodziejskiej» В. Людвиковского и Г. Вальчака (1922); «Słowniczek gwary partyjnej w Królestwie Polskim» Л. Василевского (1912). Недавно был также представлен М. Раком в статье «Kilka uwag o socjolekcie przestępczym polszczyzny przedwojennego Lwowa» (2016) словарь Северина Удзели, являющийся частью работы «Żargon złodziejski we Lwowie» (1892).

Собирание жаргонных слов и выражений происходило и по-прежнему происходит разными путями. В XIX в. источником служили как литературные произведения, основанные порой на фактах криминальных историй, статьи в газетах, дневники и воспоминания авторов, как заключенных, так и сотрудников полиции, о тюремной жизни, документы: протоколы допросов, обысков и т.п. Авторы словарей использовали также в корпусах слова и выражения, зафиксированные в лексикографических трудах предшественников. Однако не всегда ясно, какой материал использовали составители. Например, В. Людвиковский, Г. Вальчак в предисловии пишут, что они обращались к словарям К. Эстрайхера, А. Курки, Л. Курнатовского. О Л. Курнатовском упоминает и В. Будзишевская, однако ни она, ни авторы польской «Блатной музыки» не дают никаких библиографических данных о словаре известного в начале XX века сотрудника

Государственной полиции. В 30-е гг. были изданы детективы Л. Курнатовского, но лексикографических описаний преступного арго, сделанных им, нами обнаружено не было. Подобно тому, что сделал Г. Улашин с произведением Русецкого, можно было бы составить такой словарь на основании единиц, заключенных в кавычки, и некоторых примечаний к ним, приведенных у Л. Курнатовского в скобках. Однако, фиксация им арготизмов приходилась бы на середину и вторую половину 30-х гг. XX века.

На базе текста произведения Густава Даниловского „Wrażenia więzienne” (Lwów 1908) составил словарь тюремного жаргона лингвист Я. Лось. Материал был опубликован в журнале „Język Polski” в 1913 г. (z. 10)

Названные работы отличаются по времени издания, материалу, который в них содержится, по способу его представления и описания. Подходы зависят от целей, которые ставили перед собой авторы, а также и от профессиональной подготовки составителей. Общим для всех из них является то, что стимулом для собрания жаргона явилось требование в необходимости знания, а скорее понимания, тайной лексики и фразеологии теми, кто работает в полиции или же так или иначе официально связан с ее деятельностью.

Так, для К. Эстрайхера, филолога-лингвиста, библиографа, энциклопедиста, это был заказ. Он пишет:

U schyłku krakowskiej Rzeczypospolitej zajęcie w sądzie nie przeciążało pracą, a dostarczało sposobności do rozwinięcia samodzielnych badań. Zwierzchnik mój, wyręczając się, powierzył mi na początek kryminalnej karyery sprawę, niezmiernie zawiłą, morderstwo w drodze do Mogiły, dokonane na żydówce, dokonane przez młodego woźnicę. Winowajca nie przyznawał się... (1–2)⁴

Язык в данном случае – это инструмент, которым специалист должен владеть, чтобы справиться с порученными ему обязанностями. Лингвистическое чутье К. Эстрайхера не подвело: в процессе, о котором пишет ученый, свидетелей не нашлось, и необходимо было собирать доказательства. Эксперт заметил в речи подозреваемого слово *perła*, которое означало не что иное как ‘binda żydowska’ [Estreicher 1903: 2], т.е. досл. ‘еврейская банда (от binda ‘повязка; подвязка для усов, волос; лента’ (ср. пол. bandaż ‘бинт’. У Б. Линде – для толкования *binda* приводится, в частности, *banant* (идиш) ‘связывать’ [I: 110]. Ст. Каня отмечает, что *binda* – из немецкого ([1995: 50], что *binda* прест. ‘галстук’, тюрем. ‘повязка узника’. До сих пор в традициях преступно-тюремного мира сохранилась традиция обозначать принадлежность к определенной группировке или срок заключения при помощи татуировок в форме повязок на руке). Не можем точно сказать, что произошло, но исследователю уже грозил *czzerwony kogut*, т.е. ‘поджог’ (в своем словаре он пишет *kogut* ‘(львовское) огонь, – *wystawić czerwonego koguta* ‘поджечь’, при этом заме-

⁴ На закате существования краковской Польши занятия в суде не были обременительны, тем не менее предоставляли возможность для развития своих научных изысканий. Мой руководитель, используя мои данные, доверил в начале моей карьеры в криминальных службах нерешенное дело, чрезвычайно спорное и сложное, а именно: убийство еврейки, которое совершил некий извозчик на пути в село Могила... (фил. перевод наш – Е. Н.-К.).

чает, что чешское *kohaut* имеет значение ‘жандарм’ [Estriecher 1903: 59], думается, что последнее значение не могло «поразить» сотрудника полиции, тем более, что в словаре находим *puścić piwnika tj. kogucika* ‘сжечь’ [Estriecher 1903: 102] (ср. в Большом словаре русского жаргона (стр. 431) *пустить красного петуха*, которое авторы связывают с заглавным словом *петух*. 15-ое значение ‘(угол. мил.) поджог’ (431)). Все угрозы свидетельствуют о поджоге, у В.Ф.Трахтенберга находим выражение *красный галстух (взять кого под красный галстух)* ‘перерезать горло [Брейтман: 112; [Трахтенберг: 11] и, может, такой расправой грозили осужденные).

Авторы других словарей были сотрудниками полиции: А. Курка – львовский полицейский, управляющий следственными изоляторами, работающий сначала в отделе безопасности, а затем в качестве секретаря антопометрического отдела, занимающегося вопросами лиц, стоящих на учете в полиции; В. Людвиковский – инспектор главной комендатуры государственной полиции в Варшаве, Г. Вальчак – подинспектор главной комендатуры государственной полиции в Варшаве. Их заданием было составление сборников арготизмов, используемых преступниками. Словари должны были служить помощью судам и органам безопасности при ведении следствия и вынесении приговоров.

А. Курка опубликовал свой преступно-польский и преступно-еврейский словарь в трех изданиях – в 1896, 1899, 1907 годах. По сравнению с первым, каждое последующее издание было пополнено новыми единицами: если первое содержит 254, то второе – 380, а третье – 795 [Kurka 1907: 4]. Сбор материала происходил с большим трудом, поскольку непосредственный метод не всегда давал нужные результаты: А. Курка, расспрашивая преступников о значении слов и выражений, зачастую, особенно в самом начале составления сборника, сталкивался с тем, что заключенные давали специально ложное толкование. Трудность также заключалась и в том, что необходимо было определить характер непонятных единиц, т.е. отделить те, которые являются принадлежностью преступное арготизмы от тех, которые относятся к просторечным и диалектным. По мнению В. Людвиковского и Г. Вальчака, с этим заданием А. Курке удалось справиться. Авторы «Блатной музыки» не без оснований считают собрание А. Курки более авторитетным, чем работу К. Эстрайхера, в которой, по их мнению, содержится большое количество единиц, не относящихся непосредственно к преступному арготизму. [Ludwikowski, Walczak 1922: III] Не будучи лингвистами, они, как было сказано выше, составили свой сборник «преступных» арготизмов. Их целью было создать еще одно средство при ведении следствия, которое было бы также важно, как дактилоскопия, химическая, графологическая экспертиза, использование поисковых собак и др. Они пишут:

Gdy zaś jednym z wykładników kultury każdego narodu jest jego język, tak analogicznie jednym z wykładników kultury, (zwyczajów, pojęć etycznych, estetycznych itd.) przestępcy jest jego sposób wyrażania się czyli mowa, której znajomość przyczynić się może przeto częstokroć do ustalenia motywów czynu, a temsamem szybkiego wykrycia przestępcy [Ludwikowski, Walczak 1922: II]⁵.

⁵ Если одной из составляющих культуры каждого народа является его язык, то, аналогично этому, одним из составляющих культуры (обычаев, этических норм и т.д.) преступника является его способ выражаться, т.е. арготизмы, знание которого может зачастую помочь для определения мотивов преступления, и благодаря этому способствовать быстрому раскрытию преступления (перевод наш – Е.Н.-К.).

В отличие от предшественников В. Людвиковский и Г. Вальчак неполностью сами занимались сбором материала, а использовали свои служебные контакты, т.е. обращались за помощью к начальникам тюрем в Польше, а также использовали уже изданные, уже упомянутые сборники. В словаре авторы расставляют соответствующие пометы, указывающие на место расположения тюрьмы, из которой был предоставлен материал, и делают ссылки на словари К. Эстрайхера, А. Курки, Л. Курнатовского, Я. Баха, из которых были взяты слова и выражения.

Сборник С. Удзели, этнографа и популяризатора народной культуры и фольклора Малой Польши, – это рукописный текст 1892 г. (6 листов), который состоит из 2 частей и приложения. На двух листах находится выписка из «Газеты Львовской» (*Gazeta Lwowska*) (№ 62) от 17.03. 1892 г. В нем содержится важный, высоко также оцененный К. Нитшем, материал, касающийся польского преступного аргота (Rak, 2016: 133).

Итак, рассмотренные словари, словники, сборники и т.д. имеют свой характер описания языкового материала. Ни одна из работ не дает никаких данных о том, что какие-либо единицы являются фразеологизмами. Это понятно, поскольку не было это главной целью составителей. Авторы приводят обороты, выражения, которые являются при их расшифровке свободными словосочетаниями (ср. *iść na spacer*; *iść na łowy itd.* – *iść na coś* (*na kimel*, *na klawisz*, *na klucz*, *na lewo*, *na lipko*, *na lipkę*, *na mojkę*, *na pajęczynę*, *na pasówkę*, *na pietrzaki itd.*) ‘идти красть (вторая часть – это арготизмы, называющие различные виды кражи)’; *zmiatać pajęczynę* – *zmiatać* (воровское) ‘красть’ и *pajęczynę* (воровское) ‘белье’; другие относятся к трансформированным фразеологическим оборотам – *dookoła Macieju* ‘пожизненное заключение’ / в литературном языке ‘постоянно, по кругу’; *ruski miesiąc* ‘год’ от *ruski rok* ‘очень долго’; *drzeć gardło* ‘хвастаться’ от *drzeć gardło* ‘кричать’; *figla zrobić* ‘убежать’ от *figle stroić/wyrządzać* ‘подшучивать’; третьи – заимствованными из других языков: *szamowar kipi* ‘цилиндр (головной убор)’ от русск. не ФЕ *самовар кунтум*, но преимущественно из идиш: *fenster hojche* ‘больница’, *giter chusen* ‘глупый вор, дурак’, *gitmorgen winszen* ‘красть утром’ и др., а также другие способы, которые приводятся М.А. Грачевым и В. М. Мокиенко во введении к «Историко-этимологическому словарю. Русский жаргон» [2008: 4]. Иными словами, все единицы подходят под определение фразеологического неологизма, выработанное членами Петербургского фразеологического семинара, и сформулированное В. М. Мокиенко: «Фразеологические неологизмы – это не зарегистрированные толковыми словарями современных литературных языков устойчивые экспрессивные обороты, которые либо созданы заново либо актуализированы в новых социальных условиях, либо образованы трансформацией известных прежде паремий, крылатых слов и фразем, а также сочетания, заимствованные из других языков» [Мокиенко 2002: 66].

Методом сплошной выборки нами было собрано 2 ФЕ (фразеологические единицы) – С. Удзели (1892), 14 – из словаря Г. Улашина (составленного на базе произведения Русецкого (1844)), 3 – Й. Яворского (1901), 11 – А. Ландау (1902); 200 – из работы К. Эстрайхера (1903), 92 – единиц из последнего издания (1907 г.) А. Курки, 2 – у Я. Лося (1913 на материале 1908), 378 – из словаря В. Людвиковско-

го, Г. Вальчака (1922). Последнее из упомянутых, как видно, наиболее богатое по количеству единиц. Причина уже была указана выше, а именно: некоторые обороты были перенесены из других словарей. Из последнего издания К. Эстрайхера с словариком В. Людвиковского, Г. Вальчака совпадают 45 единицы; А. Курки 61 единица. Словарь польской «блатной музыки» не точно или вообще не фиксирует единицы из работ К. Эстрайхера и А. Курки. Напр., при сопоставлении с последними изданиями работ упомянутых авторов находим, напр., что при *buchacz dusiciel*; *buchacz pająkowy* нет указания на них; а встречающиеся выражения: *buchacz metr*; *buchacz pukający na dzień dobry* (единиц из того же семантического ряда) – не включены в словарь (как нам кажется, это обусловлено их оказавшимся окказиональным характером при проводимом авторами опросе). Наряду с подобными выражениями: *buchacz dolinowy*; *buchacz funio*; *buchacz hotołnik*; *buchacz klawiszarz*; *buchacz potokowy*; *buchacz skokowy*; *buchacz szabrowy*; *buchacz wichrowy*; названные обороты называют разных по специализации воров (*buchacz* ‘вор’ от *zbuchcić* ‘украсть’ (Rusiecki), (SW – Słownik Warszawski), *buchnąć* – ‘украсть’ (Estreicher), что от *buchnąć* ‘сильно выбиваться’, *buchać kogo* ‘бить кого-л. сильно палками’ (Linde, I, 189), – ср. русск. арг. *бугай* ‘кошелек или бумажник, служащий «бугайщику» для подбрасывания; кошелек; бумажник (со ссылкой на словарь Потапова)’ [Грачев 2003: 107]; *бугайщик* ‘вор, крадущий при посредстве кошелька или бумажника, подбрасываемого на улице’ от бугать ‘подкидывать кошельки бумажники’ [Грачев 2003: 107], с теми значениями в словаре В.Ф. Трахтенберга [1908: 6, 7].

Сравним единицы, выбранные Г. Улашиным (его материал (1844) считается первым современным собранием польского преступного жаргона), с тремя популярными по данной теме изданиями польского преступного аргю:

Русский (Г. Улашин) (1844)	К. Эстрайхер (1903)	А. Курка (1907)	В. Людвиговский, Г. Вальчак (1922)	Примечания
<i>Widowac</i> (<i>zbidowac</i>) <i>wustawę</i> – ‘приготовить все для побега’ (SW – Słownik Warszawski); комментарий Улашина – у Эстрайхера <i>widowac wustawkę</i> ‘убегать’, <i>widowac się</i> ‘подготовиться к краже’	– (но: <i>Widowac wustawkę/wustawę robić</i> ‘убегать’ (а также <i>zmuwę robić</i> ‘убежать’))	– (но: <i>Wustawic</i> ‘убежать’; (а также <i>zmuwę robić</i> ‘убежать’))	<i>Widowac wustaw, wustawkę</i> ‘убегать’ (Хелм, Львов) (ср. <i>wustawia (wustaw, wustawkę)</i> ‘побег’; ‘укрытие’); (а также <i>zmuwę robić</i> ‘убежать’)	Оборот построен на столкновении значений <i>wustawic</i> ‘построить’ (пол. <i>zbidowac</i>) и <i>wustawic</i> ‘отправиться в путь, пойти’ (Linde, VI, 612)
<i>Chłodzić</i> (<i>ochłodzić się</i>) <i>oryłką</i> ‘пить водку’ (SW)	–	–	–	<i>oryłka</i> – ср. с <i>horyłca, horyłka</i> – ‘горящее «вино»’ (Linde, II, 187) схоже по звучанию с <i>oryłka/horyłka</i> ‘занятие лесослалом’ (Linde, III, 583); укр. горилка ‘алкогольный напиток из очищенного спирта’
<i>Cholewić burszówkę</i> ‘красть иногда, используя случаи’ (SW)	–	–	–	<i>burszówka</i> – от (?) <i>burga</i> 1. ‘мешок (для денег)’, 2. ‘совместная жизнь за общие деньги, общие уклады’; <i>bur-sak</i> ‘сожигатель’ (Linde, I, 200); в укр. Бурч (бурш) (нем. Bursche ‘парубок’) (арго) ‘сообщник’ (Горбан, 2006: 454); <i>cholewić</i> схоже с <i>holować</i> (термин лесослалачи-ков) ‘тянуть (на лямке судно) ср. бурлачить’ (Linde, II, 185); схоже по звучанию с <i>chajlik</i> (идиш) (у Курки) ‘доля в прибыли с украденного’. Ср. русс. <i>халва</i> и <i>на халву</i> (Грачев, Мокненко, 2008: 266–276)
<i>Zobaczyć się z szewronką</i> ‘совершить самоубийство’ (SW), в статье на слово <i>szewronka</i> с указанием, что также есть в словаре К. Эстрайхера и обозначает ‘кровь’.	– (но: <i>szewronka</i> ‘krew’)	–	– (но: <i>szewronka</i> ‘krew’ (Варшава))	<i>szewronka</i> ‘кровавая дыряя’ (Linde, I, 368)
<i>Szabrować furazę</i> ‘залезать через окно или двери, выставив их’ (SW) (у Эстрайхера <i>szabrować</i> ‘открыть выломом’; у Карловича (Słownik gwągowy) – ‘открыть, взломать’	– (но: <i>szabrować</i> ‘открыть, отклеить’ (Варшава), ‘выламываться’ (Львов), у чехов ‘вламываться, подкопать’)	– (но: <i>szabrajem</i> (идиш); <i>szabru</i> ‘инструмент воров для взлома’) (но: <i>szabrajem</i> (идиш); ‘инструмент воров для взлома’ (Курка), <i>szaber</i> ‘лом, инструмент для взлома’ (Хенцины, Хелм, Цешин, Грудзёндз, Львов); <i>szabrować</i> ‘вламываться’ (Радом))	– (но: <i>szabrajem</i> (идиш); ‘инструмент воров для взлома’ (Курка), <i>szaber</i> ‘лом, инструмент для взлома’ (Хенцины, Хелм, Цешин, Грудзёндз, Львов); <i>szabrować</i> ‘вламываться’ (Радом))	Подробнее о слове <i>szabrowanie</i> см. на сайте http://kompromitacje.blogspot.com/2011/08/o-szabrowaniu-wtaz-z-wyszabrowanymi.html
<i>Zrobić futro</i> ‘поджечь’ (SW)	–	–	–	(?) связано с <i>puszcic lisa na dach</i> ‘поджечь’ (Эстрайхер)

Русецкий (Г. Улашин) (1844)	К. Эстрайхер (1903)	А. Курка (1907)	В. Людвиговский, Г. Вальчак (1922)	Примечания
<p><i>Graś</i> на <i>katynse</i> 'красть для себя самого' (SW)</p>	<p>– (ср. <i>katagi daś</i> 'обокрасть')</p>	<p>–</p>	<p>– (ср. <i>katagi daś</i> 'обокрасть' (со ссылкой на Эстрайхера); <i>kataguniarz</i> 'старый вор' (Львов); <i>katagunka</i> 'дрель для сейфа' (Станиславув), 'сейф' (Белосток))</p>	<p><i>Graś</i> на <i>katynse</i> (досл. играть на шарманке, напр., на ярмарке)</p>
<p><i>Cholowac</i> на <i>grande</i> 'убить' (SW) с комментарием, что встречается у Эстрайхера (ср. <i>rotajiszyc</i> на <i>grande</i> 'убивать' (SW)) + <i>Na grande</i>, где <i>granda</i> (при ссылке также на Эстрайхера и Курку) 'преступление, разбой, убийство'</p>	<p>+ <i>Granda</i> 'крупное преступление, разбой (Краков, Варшава, Вольнь)', <i>isć</i> на <i>grande</i> 'идти на разбой, ограбление (Виснич); проверка, ревизия'; <i>grand</i> 'убийство' (Вольнь); <i>holowac</i> на <i>grande</i> 'убить (Варшава)'</p>	<p>– <i>Granda</i> 'ограбление'</p>	<p>+ <i>Granda</i> 'ограбление (Белосток, Львов, Варшава); 'насилие, сила (Варшава); ревизия, проверка (Краков, Ганнов)'; <i>Gradowac</i> 'грабить (Львов, Варшава); обыскивать (Пешин)'; <i>na grande isć</i> 'идти на биндитизм (Белосток, Грудзёндз, Станиславув, Варшава)'; <i>holowac</i> на <i>grande</i> 'убить (со сноской на Эстрайхера)</p>	<p><i>Grande</i> – У Б.А. Ларина (1931:122) упоминается русск. гранд (грант) 'убийство' и пол. <i>grand-tabus</i> 'убийство'. О. Горбач соотносит это слово с германизмом <i>grandier</i> Власк 'крупный вор' (1620) (Klugе, 1901: 139; Горбач, 2006: 460). <i>Cholowac</i> см. выше примечание к <i>cholowic burzowke</i>.</p>
<p><i>Zrobić hur</i> 'влезть с помещение с целью кражи' (SW) (ср. <i>hur!</i> <i>hurac</i> 'прыгать')</p>	<p>–</p>	<p>–</p>	<p>– (<i>Zrobić</i> 'осуществить кражу (Варшава, Володимеж Вольнский)')</p>	<p><i>Hur! Hur!</i> 'призыв к тому, чтобы перескочить препятствие'; <i>hurac</i> 'прыгать через что-л.' (Linde, II, 191)</p>
<p><i>Zrobić huc</i> 'убежать' (SW) (ср. <i>huc!</i> <i>hucac</i> 'прыгать')</p>	<p>–</p>	<p>–</p>	<p>–</p>	<p><i>Chuc!</i> (<i>huc!</i>) <i>Chuc!</i> 'звукоподражательное – сорваться с места' (Linde, I, 281)</p>
<p><i>Isć</i> на <i>kadu</i> 'не получаться, исчезать, пропала винакула' (SW) (также не в арго (SW))</p>	<p>–</p>	<p>– (?) <i>Kalcizna</i> 'холод'</p>	<p>– (?) <i>Kalcizna</i> 'холод (Станиславув)'</p>	<p><i>Kad</i> 'грязь, отходы' (Linde, I, 282); также <i>kalac!</i> <i>kalic</i> 'загрязнять, портить' (Linde, I, 282).</p>

Русецкий (Г. Улашин) (1844)	К. Эстрайхер (1903)	А. Курка (1907)	В. Людвиговский, Г. Вальчак (1922)	Примечания
<p><i>Szewiac</i> по <i>liwerski</i> 'говорить на преступном жаргоне' (SW) (примечание Улашина — У Эстрайхера <i>szewiac</i> 'говорить', <i>muzeumiac się</i> 'отговариваться'</p>	<p>— (но: <i>szewiac</i> (Краков 1890) 'говорить'; <i>szewiac</i> (в словарях 1859 и 1896) 'говорить по-лемберски (т.е. преступному воровском языке'; <i>szewiac</i> 'говорить'</p>	<p>— (<i>rafeszuna</i> 'белье')</p>	<p>— (<i>Szewiaty (szewiaty)</i> 'посвященный в тайны преступник, находящийся в створе (Лодзь)</p>	<p><i>liwerski</i> от <i>liwiant</i> (ср. нем. <i>Lieferant</i>) 'поставщик, запасчик, подрядчик'; <i>liwielnik</i> 'доставка, поставка, подряд' (Linde, II, 650) Данные значения подсказывают, что «ливерский» язык относится к языкам нищих торговцев (офеней) (ср. ливазиты (оговорка «*») в работе Приемышевой, заключается в том, что данное слово записано с ошибкой) (владимирские офени) 'браниться' (Приемышева II, 550); ср. с русск. семантически параллельным — <i>ботать по фени</i>. Нами не отмечено данное ни слово, ни его употребление (н в выражении в словаре В. Будзишевской.</p>
<p><i>Zmiatac</i> (<i>rafeszuta</i>) 'красть бельё' (SW) (где <i>rafeszuta</i> 'бельё' (со ссылкой на Эстрайхера и Курку)), а также только на Эстрахера — <i>zmiésic</i> 'украсть'</p>	<p>— (<i>rafeszuta</i> (ссылка на Курку) 'бельё'; <i>rafjak</i> 'рубашка (Варшава)'; <i>rafeszuta</i> '(1778, Краков) бельё'; <i>rafeszatze</i> 'бельё'</p>	<p>— (<i>rafeszuna</i> 'белье')</p>	<p>— (но: <i>rafeszarz</i> 'вор, крадущий бельё с чердаков (Хенцины, Люблин, Лодзь, Пулавы, Варшава, Волковыск)'; <i>rafeszuna</i> '1. бельё (Белосток, Хенцины, Хелм, Гарволин, Грудзендз, Краков, Люблин, Львов, Лович, Млава, Опочно, Пулавы, Серадз, Томашув-Равски, Варшава, Велонь, Влодзимеж Вольнский); 2. кража белья с чердака (Серадз)'; <i>rafeszuta</i> <i>okunus</i> 'совершать кражу на чердаке (Варшава)'; <i>rafeszuna omiesc na wierzchołku</i> 'украсть бельё с чердака (Серадз)'</p>	

Русецкий (Г. Улашин) (1844)	К. Эстрайхер (1903)	А. Курка (1907)	В. Людвиговский, Г. Вальчак (1922)	Примечания
<p><i>Wzweniac o fascjendzie</i> 'получить нужную информацию' (SW) (при- мечание Улашина – У Эстрайхера <i>szewniac</i> 'говорить', <i>wzweniac sie</i> 'отговориться'</p>	<p>– <i>fascjenda</i> (Львов, Варшава) 'кража'; <i>fascien</i> (Лодзь) человек'; <i>fascienka</i> (со ссылкой на Курку) вещи'</p>	<p>– <i>fascueta</i> 'вещи'</p>	<p>– <i>fascjenta</i> 'лицо (Бах)'; <i>fascjenda (fascjenta)</i> 'вещи, добытые во время кражи, главным образом, одежда (Львов, Станиславув, Вадовице, Варшава)'</p>	<p>О слове <i>фаценнта</i> (<i>fascuenta</i>) О. Горбач пишет, что слово происходит от <i>fascia</i> 'лицо, обличье, гримаса', <i>fasciata</i> 'фасад' (от лат. <i>facies</i> 'обличье'), <i>fascjenda</i> 'занятия' > пол. <i>faska</i>, чешск. <i>faska</i> 'щека' (со ссылкой на А. Брюкнера), пол. <i>fascjata</i> 'лицо, форма'. В значениях речь, язык, доказательный материал на преступника встречается львовском арго и фиксируется Аве-Лие-мандом и Ландау. (Горбач, 2006: 500). О <i>wzweniac</i> см. объяснения <i>szewniac</i> по <i>liwerski</i></p>

Как видим, из сопоставления лишь два фразеологизмы сохранились с середины XIX в. *budować wystawę* и *holować na grandę*, и другой в несколько измененном виде – *zmiatać pajęczynę | pajęczynę omieść na wierzchołku*. Остальные фразеологизмы не дошли в той форме, в какой они присутствовали у Русецкого, однако отдельные компоненты отмечаются в рассматриваемых словарях. Не означает это того, что данные выражения не функционировали в преступном аргю в конце XIX – начале XX в. Причины их не включения в словари могут быть следующие: 1. Выражение не было зафиксировано, 2. Выражение не отнесено к разряду арготических, 3. Выражение не является фразеологически связанным.

Дальнейшее изучение польского преступного аргю позволит точнее установить временные рамки употребления отдельных фразеологизмов, даст возможность точнейшего их этимологизирования, а также будет способствовать точнейшему описанию и паспортизации в сводном словаре польского жаргона.

Литература

Горбач О., *Арго в Україні*, Львів 2006.

Грачев М.А., *Язык из мрака. Блатная музыка и феня*, Нижний Новгород 1992.

Грачев М.А., *Словарь тысячелетнего русского аргю*, Москва 2003.

Грачев М.А., Мокиенко В.М., *Русский жаргон. Историко-этимологический словарь*, Москва 2008.

Ларин Б.А., *Западноевропейские элементы русского воровского аргю* // „Язык и литература, Ленинград 1931, Т. 7, с. 113–130.

Мокиенко В.М., *Проблемы европейской фразеологической неологии* // „Słowo. Tekst. Czas VI. Nowa frazeologia w nowej Europie”, pod red. M. Aleksiejenki, W. Mokijenki, H. Waltera, Szczecin–Greifswald 2002, s. 63–79.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., *Большой словарь русского жаргона*, Санкт-Петербург 2000.

Приемышева М.Н., *Тайные и условные языки в России XIX в.*, ч. I–II, Санкт-Петербург 2009.

Трахтенберг В.Ф., *Блатная музыка. («Жаргон» тюрьмы)*, под ред. и с предисловием И.А. Бодуэн-де-Курненэ, Санкт-Петербург 1908.

Bruckner A., *Polnish-russische Intermedien des XVII Jahrhunderts* // „Archiv für slavische Philologie XIII”, 1891, s. 224–236, 398–417.

Budziszewska W., *Żargon ochweśnicki*, Łódź 1957.

Dejna K., *Ile mamy języków polskich*, // „Język Polski”, nr 1, 1980, s. 30–43.

Estreicher K., *Szwargot więzienny*, Kraków–Warszawa 1903.

Geremek B., *O językach tajemnych*, // „Teksty: teoria literatury, krytyka interpretacja”, nr 2(50), 1980, s. 13–36, [http://bazhum.muzhp.pl/media/files/Teksty_teoria_literatury_krytyka_interpretacja/Teksty_teoria_literatury_krytyka_interpretacja-r1980-t-n2_\(50\)/Teksty_teoria_literatury_krytyka_interpretacja-r1980-t-n2_\(50\)-s13-36/Teksty_teoria_literatury_krytyka_interpretacja-r1980-t-n2_\(50\)-s13-36.pdf](http://bazhum.muzhp.pl/media/files/Teksty_teoria_literatury_krytyka_interpretacja/Teksty_teoria_literatury_krytyka_interpretacja-r1980-t-n2_(50)/Teksty_teoria_literatury_krytyka_interpretacja-r1980-t-n2_(50)-s13-36/Teksty_teoria_literatury_krytyka_interpretacja-r1980-t-n2_(50)-s13-36.pdf).

- Kania S., *Słownik agrotymów*, Warszawa 1995.
- Kurka A., *Słownik mowy złodziejskiej*, Lwów 1907.
- Ludwikowski W., Walczak H., *Żargon mowy przestępców. „Blatna muzyka”. Ogólny zbiór słów gwary złodziejskiej*, Warszawa 1922.
- Łoś J., *Słowniczek gwary więziennej*, „Język Polski”, I. 10, 1913, s. 296–298.
- MSZP – *Mały słownik zaginionej polszczyzny*, pod red. F. Wysocka, Kraków 2003.
- Maisel W., *Poznański słowniczek żargonu złodziejskiego z XVI wieku*, [w:] „Język Polski”, XXXVI, Zesz. 1, 1956, s. 74–75.
- Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich. W oparciu o dzieło Samuela Adalberga* opr. zesp. red. pod kier. J. Krzyżanowskiego, t. 1–4, Warszawa 1969.
- Pigoń S., *Wstęp*, [w:] Jurkowski J., *Tragedia o polskim scylurusie i trzech synach koronnych ojczyzny polskiej*, Kraków 1949, s. 3–14.
- Rak M., *Kilka uwag o socjolekcie przestępczym polszczyzny przedwojennego Lwowa*, „Socjolingwistyka”, nr 30, 2016, s. 133–145.
- Słownik języka polskiego*, pod red. B. Linde, t. 1–6, Warszawa 1994–1995 (reprint wydania II, Lwów 1854–1860).
- Stępnia K., *Słownik tajemnych gwar przestępczych*, London 1993.
- Ułaszyn H., *Język złodziejski. La langue des voleurs*, Łódź 1951.
- Ułaszyn H., *Przyczynki leksykalne. Gwara złodziejska z około roku 1840*, [w:] Ułaszyn H., *Studia onomastyczne i socjolingwistyczne*, Poznań 2009, s. 46–61.
- Wilkoń A., *Typologia socjolektów*, [w:] „Socjolingwistyka”, t. VIII, pod red. W. Lubasia. Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk–Łódź 1988, s. 83–94.
- Walczak B., *Najstarszy słowniczek gwary złodziejskiej*, <https://wbc.macbre.net/document/5611/najstarszy-polski-sowniczek-gwary-zodzieskiej.html>.

Abstract

Phraseologisms in the dictionaries of the Polish criminal jargon issued to the 1930s

This article provides an overview of the dictionaries of the Polish criminal jargon, which were published before 1930s. Particular attention is paid to the dictionaries and works of the 19th century, because it is at this time that most of the works of such authors as Estreicher, Kurka, Ludwikowski and Walczak appeared. A special place is given to the description of the work of G. Ulashin, who, on the basis of the work of K. Rusiecki, compiled a dictionary reflecting the criminal jargon of the 1840s. We also consider the phraseological units that were selected from the lexicographical works of the authors mentioned, as well as that of S. Udziela, J. Łoś, J. Jaworski and A. Landau. We attempted to compare four dictionaries from the point of view of the content of some phraseological units in them, and also to explain the reasons for the discrepancies. The analysis data are given in the table. There we give the assumptions about the origin of the units.

Keywords: phraseology, criminal argo, etymology, Polish lexicography